

[00:00:59]

Юрий Крупнов: Уважаемые коллеги! Предлагаю начать наши дебаты. После того, что мы недавно видели по телевизору, дебаты – слово во многом с подмоченной репутацией. Я бы относился к этому не как к регламентированному спору, где выступающим дается 1 – 3 минуты. Я бы все-таки видел как высокоинтеллектуальную дискуссию. Участники любезно согласились принять участие в дебатах. Все участники, независимо от очень разных позиций, отличаются тем, что все они представляют действительно интеллектуальную элиту нашей страны. Поэтому дебаты «Новая холодная война: предотвратить или готовиться». Надеюсь, что само название никого не оставит равнодушным.

Моя точка зрения на эту проблему тоже кратко сейчас будет изложена для того, чтобы задать тон дискуссии, или наоборот, чтобы меня поправили. Сначала хочу представить участников наших дебатов. Крупнов Юрий Васильевич, председатель наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития. Я буду ведущим. Справа от меня Виктор Иванович Мироненко, ведущий научный сотрудник отдела стран Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН. Александр Сергеевич Ципко, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Это не значит, что какое-то жесткое позиционное различие. Мы сейчас это посмотрим. Важно, что это скорее, это официальные представители РАН.

Андрей Александрович Фефелов, журналист, публицист, главный редактор телеканала «День ТВ», заместитель главного редактора газеты «Завтра». И Георгий Владимирович Федоров, руководитель движения «Гражданская солидарность». У него еще тоже много титулов. Еще недавно он нас представлял в Общественной палате РФ, известный политолог и общественный работник.

Итак, холодная война. Если честно, очень сложная тема. Понятно, что если сегодня мы забьем в интернете «холодная война», будут тысячи статей достаточно серьезных авторов, где будет рассказываться о холодной войне 2.0, о повторении холодной войны. Иногда звучат точки зрения, что холодная война – это было совсем другое, и здесь есть своя правда.

Но мне эта тема представляется сложной потому, что очень много построено на аналогии с тем, что было с 1946 по 1991 год. А так ли это, я не уверен. Есть термины, которые уже звучат. Например, ледяная война. Кто-то говорит, что о войне даже в метафорическом смысле говорить не приходится. Есть некие сложности, кризис в отношениях. Недавно Кисляк, экс-посол в США написал статью как раз о кризисе в отношениях, но это ни в коей мере не должно нас вести к термину война как таковому. Здесь точки зрения не просто разные, не в обиду авторам, которые уже опубликовали свои работы.

[00:05:00]

Я бы сказал, что на мой взгляд, не очень понятно, что на самом деле. Я бы был очень признателен участникам наших дебатов, если бы они, в том числе интеллектуально прояснили, что реально происходит. У нас задача не победить, доминировать. Здесь вопрос интеллектуальной площадки и надо очень серьезно разобраться, чтобы потом не щеголять этими красивыми словами, которые нас заведут неизвестно куда.

Моя позиция заключается в том, что идет близкое к гибридной войне противостояние. Но оно идет не с точки зрения того, что мы привыкли видеть под обычными или локальными войнами, оно идет к вопросу о борьбе за новое устройство международного права, я бы сказал пост ООН-овского международного права. Идет противостояние за вопрос, будет ли изменена финансовая глобальная система. Это ключевой пункт.

Напомню, что когда говорят о знаменитой фултонской речи Черчилля, когда говорят о знаменитой «Длинной телеграмме» Кеннана, на самом деле забывают, что вообще-то эта «Длинная телеграмма», которая появилась перед речью Черчилля, была сделана сотрудником посольства США в СССР по запросу Министерства финансов США. Министерство финансов задало один вопрос и просило посольство США пояснить, почему СССР отказывается вступать во Всемирный банк и МВФ. Вы помните, Бреттон-Вудское соглашение было подписано с СССР, но СССР не ратифицировал и не вступил в эти международные институты. Присутствуя на экономическом форуме, не надо забывать, что исходно стартом для холодной войны служила проблема глобальной финансовой системы.

Не буду дальше излагать свою точку зрения. Давайте начнем наши дебаты. Первый вопрос, который я бы поставил, из тех, что перечислены, куда вот это очевидное противостояние, очевидные взаимные обвинения ведут. Куда мы в итоге можем прийти, как бы это ни называть. Чем это все может закончиться. Виктор Иванович?

Виктор Мироненко: Спасибо, Юрий Васильевич! Я все-таки бы вернулся к основной проблеме, потому что мой взгляд – это сугубо мой взгляд на проблему холодной войны, и несколько отличается, в том числе от тех, которые вы перечислили. Я совершенно не убежден в том, что холодная война завершилась, закончилась. Прежде чем вести речь о новой холодной войне, на мой взгляд, нужно ответить на вопрос: а закончилась ли предыдущая, если она закончилась, то чем? Или можно взять вариант мягче и сказать: подведены ли итоги предыдущей холодной войны?

Первое замечание по поводу войны вообще. Когда взорвалась первая атомная бомба в Хиросиме, Эйнштейн сказал очень интересную мысль, которая прошла незамеченной. Он сказал, что этот взрыв изменил весь мир вокруг нас. Он не изменил только нашего образа мышления. Эйнштейн имел в виду, что большая мировая война при возникновении такого вида оружия практически больше невозможна. Она может быть либо холодной, либо гибридной, либо еще какой-то, но не большой войной. Это явное очевидное ограничение.

Вторая особенность. Вы помните, что мировой порядок, о котором вы правильно сказали, исторически всегда устанавливался в результате большой войны. 1648 год, Вестфальский мир, 30-летняя война, опустошенная Европа. Устанавливается новый вестфальский мировой порядок. Проходит какое-то время, Первая мировая война заканчивается, на Парижской конференции устанавливается новый мировой порядок. Победитель пытается продиктовать свои условия побежденному. Этот новый мировой порядок просуществовал от силы 3 десятилетия.

Начинается Вторая мировая война, которая заканчивается Ялтинской и Потсдамской конференцией. Поэтому когда закончилась холодная война, если все-таки считать ее войной, острым противостоянием, никакие итоги подведены не были, все произошло де-факто. Распался СССР, собралось несколько человек в Беловежской пуще, решили, что дальше будем жить вот так. Никакой международной конференции, никакого основательного подведения итогов, никакого проекта миропорядка не было. поэтому сегодня мы имеем только то, что мы можем иметь в этой ситуации.

[00:10:03]

Мы имеем абсолютно разные взгляды у разных людей, у разных экспертов, у разных ученых и у разных политиков о том, каким этот мир должен быть. Раньше он устанавливался победителем на конференции. В холодной войне победителя не было, хотя кто-то решил, что он победитель, и не было договоренностей, которыми можно было бы руководствоваться при конструировании нового мирового порядка. Поэтому мы имеем то, что имеем. А что из этого получится... я не футурист, я не берусь предполагать.

Юрий Крупнов: Спасибо! Александр Сергеевич, вы как видите, есть или нет эта война, и куда все идет?

Александр Ципко: Русская привычка: мы никогда не анализируем предмет, его сущность, но всегда придумываем понятие и спорим о понятии и забываем о сути. Я напому о сути холодной войны, и что за ней стояло. За ней стояло желание западной цивилизации противостоять экспансии СССР – кстати, недавно об этом говорил Путин – который занимался экспортом мировой коммунистической революции.

Была для человечества угроза победы коммунизма, угроза в этом смысле СССР, и уже с 1946 года с Фултонской речью, особенно когда совершился государственный переворот в апреле 1948 года в Чехословакии, вот угроза, надо остановить. Смысл этой холодной войны состоял в этом противостоянии. Я не хочу никого пугать. Но посмотрите книгу Муссолини «Третий путь». Он уже там говорит, что пришел в мир, чтобы спасти человечество от экспансии коммунизма. Потом Гитлер в «Майн Кампф» будет это все повторять.

То есть уже начало разговора противостояния Запада, сначала в этой извращенной фашистской форме, а после Второй мировой войны в виде союза западной цивилизации. Вот смысл. Я имею отношение к холодной войне. Я служил в ГРУ, в СНАЗ с 1960 по 1963

год. У меня была уникальная специальность. Я занимался подслушиванием переговоров, которые ведут между собой пилоты В-52. В одну такую ночь я лично ощутил, что она была такой благодатной. Это было во время Карибского кризиса и связано с Берлином, с этой автодорогой.

Представляете, ночью летит В-52 [00:13:03]. В-52 каждый час выходит на связь, дает [00:13:08], отчитывается в Майями Центр и летит. Доходит до Уиллоса, Ливии, разворачивается... И вдруг, ночью не каждый час, а каждые 10 минут новый В-52 и уже не идет к Гиллосу [00:13:28], а получил команду идти на Инджирлик. А я отслеживаю. Было три таких полка в СССР. Я передаю в Москву, что он идет на Инджирлик, в Черное море. Мы не могли эту шифровку перевести. Получил он команду, а с Инджирлика уже до Москвы 2 200, а у него 8 ракет. Поэтому, мои дорогие, это не такая благодатная вещь, холодная война. Это та грань, которую можно было каждую секунду пройти, и могла быть катастрофа. Поэтому вот эти нынешние разговоры довольно наивны.

Есть качественное отличие между нынешней холодной войной и старой холодной войной. На мой взгляд, сейчас ситуация куда опаснее, чем была. Тогда уйти от той холодной войны было очень просто, уйти от идеи коммунизма, экспансии вот этой советской системы, распадется СССР, не будет коммунизма и все умрет. А новая холодная война вызвана борьбой России за право участвовать в новом мировом порядке. Она имеет уже не идеологические причины. И в этом ее глубинное противоречие.

[00:15:00]

А за ней стоит цивилизационное противоречие. Россия привыкла быть державой. Это путинская мюнхенская речь. Это я доведу, это очень важно, это для меня коренная мысль. И это наследство ощущения державы, по этой причине Россия никогда не может передать другим наднациональным органам свои права суверенитета и никогда не согласится с тем, что будет вот этот нынешний однополярный мир, где судьбу всего решает одна страна. С другой стороны, слабая страна всего лишь 2 % от ВВП в мире в 20 раз слабее вот этого Запада на самом деле не в состоянии чем-то существенно повлиять на этот мир. Путин как раз как русский национальный тип, на мой взгляд, и выразил природу этого противоречия. И как мы его преодолеем, я лично не вижу пути.

Юрий Крупнов: Спасибо! Как военно-технический разведчик солидарен с вами. Тоже представляю себе, что такое В-52, которые идут с разных сторон на нашу страну. Возможно, формы меняются. Соответственно, вопрос стоит не в чисто военной плоскости. Вопрос действительно стоит о миропорядке. Андрей Александрович.

Андрей Фафелов: Поскольку у нас дебаты, можно реагировать на какие-то реплики. Первый момент – это то, что экспорт колониальной демократии по всему миру принципиально системно никак не отличается от экспорта коммунизма. Коммунизм – есть цивилизационная особенность нашей страны. В этом смысле это и есть те самые мировые противостояния и силовые соприкосновения интеллектов. То, что мы сейчас лишены альтернативной концепции, безусловно, делает нас слабее, а не сильнее.

Что касается итогов холодной войны, то разгром советского блока, ограбление СССР и все последующие события позволяют сделать заключение, что мы потерпели поражение, как в свое время потерпела поражение кайзеровская Германия. Любое поражение можно каким-то образом оспаривать, говорить, что ничего такого не было, что все нормально. На самом деле ничего не нормально. Это колоссальный ущерб и материальный, и духовный, и цивилизационный нас просто в какой-то момент колонизировали, как абсорбировали страны Восточной Европы и Украину сейчас переваривают.

Что касается сути, я конечно, польщен словом интеллектуальная элита. Я, к сожалению, не являюсь таковой, поскольку интеллектуальная элита производит открытия. Я вряд ли сейчас скажу какие-то открытия. Мне кажется, ситуация сейчас гораздо опаснее, чем в тот период, когда были две сверхдержавы с определенными ответственными группами, которые понимали, о чем идет речь.

Сейчас совершенно другой период. На него влияет несколько существенных факторов. Первый фактор – это то, о чем 100 лет назад заявил во всеуслышание Освальд Шпенглер, пресловутый «Закат Запада». В своей книжке он говорил о серьезных, глубинных внутренних процессах, которые идут на Западе, превращения вот этой живой культуры в мертвую цивилизацию, которая потом распадется на атомы и станет отрицать саму себя.

Мы видим, как этот процесс происходит прямо на глазах. Шпенглер просто видел ситуацию на 100 лет вперед. Вот этот процесс распада Запада повлияет на те решения, которые принимаются западными элитами и те стратегии, которые там вырабатываются, поскольку мы имеем дело не с неким целеустремленным поднимающимся субъектом. Казалось бы, нам должно быть легче иметь дело с распадающимся, умирающим субъектом мировой истории. На самом деле это гораздо осложняет ситуацию.

Второй момент – это наличие помимо национальных государств и их союзов, союз западных государств, союз Великобритании и США, Евросоюз, их сложных взаимоотношений, их некой спайки, которая возникла после Мировой войны, когда США практически оккупировали сначала Западную, а потом Восточную Европу. Тем не менее есть некий третий субъект, помимо вот этих национальных правительств, России, США и так далее, есть третий, так называемый международный субъект, и что у него в башке творится, не совсем понятно.

[00:20:00]

Те акции, которые производятся, продвигаются этим субъектом... его можно называть международным финансовым капиталом, заговором Ротшильдов и Рокфеллеров, мировым правительством, Бильдербергским клубом, чем угодно. Тем не менее этот субъект существует и он действует в противовес национальному субъекту в США, национальному субъекту в России, то есть национальным государствам по всему миру. Действует он абсолютно радикально. По всей видимости, у него существуют стратегия на взрыв мира, на создание коллапса. Скорее всего, это просто видно по некоторым шагам.

И есть третий, совершенно таинственный и непостижимый фактор. Это новые технологии, которые пришли в мир. Вот эта пресловутая цифромоника, которую уже несколько замылили, это вовсе не цифровая экономика. Цифромоника – это новая система восприятия и потребления информации. Скорее всего, цифромоника прикончит капитализм, не будет никакого капитализма. Вот эти новые методы освоения мира... на самом деле скоро цифромоника переустроит общество. Она доберется до социума. Все началось с компьютерных игр, с «Тетриса» и переброски быстрых писем, а скоро цифромоника перестроит социум. Это создает колоссальные вызовы и деструкции. Мы не готовы к этим процессам, и они будут происходить революционно по принципу схлопывания. В этом смысле мы находимся в дико нестабильном мире. Вот эти факторы, которые я перечислил, очень сильно повлияют на дестабилизацию, в том числе в вопросе противостояния.

Юрий Крупнов: Андрей Александрович, если можно, ответьте очень кратко. Мое базовое феноменологическое восприятие. Помимо очень сложных трендов, процессов, разных картин мира, есть же коалиция, собранная Терезой Мэй по конкретному случаю. Я не обсуждаю обоснованность этой коалиции, то есть некая враждебность манифестируется национальными государствами, создается коалиция. Как к этому относиться? Это тоже от распада Запада создается такая коалиция, чем это обусловлено?

Андрей Фафелов: Если существует стратегия на торговлю, возможно, они просто набивают цену, создают эту планку, будут подсовывать скрипарей для того, чтобы делить мир. Он может быть поделен совершенно разными способами, чтобы создать некую стабильную систему в будущем. Они скажут: «Берите Украину. Можем Прибалтику отдать. А может, не отдадим Прибалтику и будем стоять рядом с Петербургом на расстоянии 200 км с пистолетом у вашего виска». А Путин скажет, что не будут стоять. Для этого создается вот эта истерика. Жена хочет купить шубу, а перед этим устраивает истерику. Такие вот сравнения бытовые. Это один из вариантов. А может быть, у них просто поехала крыша. Есть прямая дорога к началу горячего термоядерного конфликта. Кстати, я это не исключаю. Когда мне люди на ток-шоу, на интеллектуальных форумах говорят, что это невозможно... возможно, друзья мои.

Юрий Крупнов: У меня чисто детский, наивный вопрос. Если мы колонизированы, то почему на нас, на колонию нападают? Это вопрос не для ответа, а для дальнейшей дискуссии. И второй момент. Мне кажется, все эпитеты, типа «поехала крыша», безумие по поводу Терезы Мэй, возможно, они в каком-то специальном аспекте отражают реальность, но с моей точки зрения это все-таки очень высокого уровня творческие действия в аналогичной плотной атмосфере международного права и финансового порядка. А мы реагируем в лице известной женщины нашей, которая всех расставляет по местам в мире склочно коммунальным образом. То есть нам навязывают совершенно определенное действие, а мы отвечаем: «Сами дураки, вы безумные». На мой взгляд, здесь есть какой-то вопрос, который требует исследования.

Георгий Федоров: Спасибо, уважаемые коллеги! Трудно не согласиться почти с каждым выступающим. Хотел бы заострить несколько моментов. Первое. С точки зрения экспорта революции. Как мне кажется, и многие стоят на такой позиции, что концепция развития советского строя, как базы для экспорта революции закончилась после смерти Сталина.

[00:25:00]

Потом была провозглашена новая доктрина, так называемое мирное сосуществование двух систем: капиталистической и социалистической. Все те конфликты, которые были, в том числе военные, Вьетнам и другие, выстраивались в разрезе договоренностей двух сверхдержав, двух систем. То есть была одна система, которая доминировала в западном мире или почти доминировала, и была другая система, которая тоже доминировала практически на полмира. Был такой большой глобальный договорняк. Поздние руководители СССР уже даже в мечтах... может быть, на словах это где-то было... о мировой революции, но на практике уже фактически никаких действий по поджиганию мира с точки зрения мировой революционной экспансии уже не было.

Второе, что касается того, холодная война идет, продолжается или закончилась. Мне кажется, что она и не заканчивалась. Просто есть разные фазы холодной войны. Есть фаза острого противостояния. Любой человек, который занимался историей, может посмотреть, что есть разные фазы горячей войны. Есть фаза, когда армии сидят в траншеях в течение нескольких месяцев или даже полугода, в бинокль друг на друга смотрят, перестреливаться, никаких действий на фронте не происходит. Это спокойная фаза.

То же самое можно сказать после того, как СССР был разрушен. Зачем нужны были какие-то активные фазы агрессивного характера с точки зрения методов холодной войны, когда фактически экономика нашей страны была разрушена? Часть политической элиты в нашей стране фактически присягнула Большому Брату в лице США. С горбачевских времен мы только и начали, что раздеваться, верить миру, говорить, что мы за мир, давайте мы вот здесь одни вооружения порежем, вторые порежем. Давайте под честное слово из Берлина уйдем, давайте наши базы свернем.

Происходил процесс глобальной сдачи позиций. Зачем надо было вести против нас какие-то действия военного характера? Дальше ситуация изменилась. В России вырос пласт национального капитала. У нас сейчас нет двух противостояний между социализмом и Америкой. Мы же строим то же самое общество, которое строит Запад, только мы находимся не в центре этого общества, а на периферии.

Соответственно, для восприятия, как говорит Владимир Владимирович, наших уважаемых партнеров, а с моей точки зрения, политических конкурентов по миру, Запада, мы взбунтовавшаяся периферия, которая пытается что-то говорить большому брату, не подтверждая своим амбиции ни экономикой, ни развитой политической системой. Условно, у нас сформировался класс олигархов, интересы которых были в рамках этих границ РФ. Соответственно, для национального капитала ему было интересно, чтобы у нас

была сильная армия, независимая позиция для того, чтобы выторговывать себе место в мире. Даже Путин, все его мюнхенские речи и прочее, говорит, что новая РФ отошла от имперских амбиций. У нас нет никакого желания завоевывать Украину. В принципе, мы согласились с тем раскладом, что нас сбросили в свое время с первого места.

Завершая хочу сказать, что война – это сконцентрированное выражение конкуренции, это острая фаза конкуренции за ресурсы, технологии и за все блага, которые дает человечество, за место в мире. Если посмотреть историю хотя бы за 100 лет, то глобальный Запад, та цивилизационная система, которая была выстроена тогда, всегда с определенным периодом времени воспринимала нас как определенную угрозу и конкурента, были действия против Российской империи тех же самых сил Великобритании. Когда СССР вел самостоятельную политику, были попытки разрушить СССР. Сейчас, когда нынешняя «демократическая» Россия поднимает голову и заявляет о своих позициях, та же самая элита, которая всегда хотела подорвать наше внутреннее мироустройство, она таким же образом выступает без политических акцентов против нынешней России.

[00:30:07]

Юрий Крупнов: Спасибо! Я бы позволил себе просто на правах понимающего эту дискуссию, как я понимаю, что мы обсудили. Может быть, все неправильно понимаю. Первый пункт. Ситуация непредсказуема и она может закончиться чем угодно, вплоть до термоядерной войны. Это первый момент. Второй момент. Мне кажется, что все в этом более или менее согласны. Не выявлен принцип отличия. Мы говорим война, противоборство и так далее, но по большому счету непонятно, чем это все отличается друг от друга. Возможно, это превентивные действия на то, чтобы не появился субъект, который восстановит свои специфические цивилизационные уникальные особенности. Может быть, это превентивная война Запада против России.

И наконец, третий момент. По большому счету неважно, готовы ли мы согласиться с Виктором Ивановичем, что та холодная война еще не закончилась и ничем не завершилась, но однозначно понятно, что никаких решений точно не было. Может, это такой хитрый переход одного в другое. Но никаких решений не было. Если мы не будем выработать проекты этих решений, отстаивать и навязывать их, то независимо от того, как пойдет этот конфликт, нам точно хорошо не будет. Есть слабые, сильные, но дураков, тех, которые ничего не предлагают в мире точно никто не любит. На мой взгляд, в этом сегодня ключевая проблема.

Виктор Мироненко: Спасибо! Благодарю коллег! Я был не совсем готов к такому характеру дискуссии. Я собирался обсуждать проблему холодной войны. Чем отличается нынешняя конфронтация от прошлой холодной войны, можно ли ее избежать. Вот в таком ключе. Массу интересных вопросов подняли коллеги. Не хватит никакого времени для их обсуждения. Поэтому я бы все-таки вернулся к нашей теме. Мне кажется, что я не был до конца понят, уважаемые коллеги. Я сказал об Эйнштейне, о том, что мир вокруг нас абсолютно изменился. Институт национальной государственности не тот, который

был. Шпенглер писал не о гибели Запада, он писал о закате Европы. Как мы понимаем в Институте Европы, речь шла не о крушение Запада, а о том, что в течение пяти столетий Европа была лидером цивилизации, она была и просвещением, и техническим прогрессом, и политическим. Многие ученые размышляли о том, кончился ли век Европы, лишилась ли она своего лидерства, будут ли другие лидеры. Именно сейчас то, что во многом происходит с ЕС, с этим процессом объединения – это как раз и есть попытки.

Юрий Крупнов: Вы различаете Европу и США?

Виктор Мироненко: Конечно. Это есть попытки удержать Европе это лидерство и предложить свои ценности. Но я не об этом сейчас хотел бы говорить. Это очень интересная, большая тема. В нее вписывается и украинская проблематика. Но это другое. Я просто могу определить, в чем наше с вами отличие в восприятии. Для меня в том, что вы сказали, было две очень важные принципиальные позиции. Первую я назвал. Я не считаю происходящее гибелью цивилизации, ее закатом, которой нужно выдвинуть какую-то альтернативу. Альтернативу будет вырабатывать весь мир, но все-таки я думаю, что лидирующая роль будет тех ценностей, которые были для цивилизованного мира пять веков. Европа сохранит свое лидерство.

Мы часть Европы. Мы раньше или позже будем участвовать в этом процессе. Принципиальное отличие в одном. Вы говорите о том, что ядерная война возможна. Я говорю, что она невозможна. Для меня это абсолютно концептуальное положение. Признание возможности большой войны в мире для меня категорически неприемлемо. После этого нам больше говорить не о чем, потому что вырабатываются совершенно разные политические, стратегические и другие концепции.

Если мы признаем, что в принципе, можно что-то доказать, используя ядерную бомбу... я на эту тему не готов дискутировать, потому что она неприемлема мне в принципе. Помните, был хороший советский анекдот? Что делать советским гражданам при объявлении ядерной тревоги? Нужно завернуться в белую простыню, выйти на улицу и медленно ползти по направлению к кладбищу.

[00:35:05]

Почему медленно? Чтобы не создавать паники среди всех остальных участвующих. Когда мы имеем пять сверхядерных держав, когда мы имеем стремительное распространения этого ядерного оружия, сама постановка о том, что мы можем использовать ядерное оружие является категорически неприемлемой. Мир должен прийти к решению о том, что ядерное оружие может быть использовано только в ответ на использование против него ядерного оружия. Если же это правило нарушается, то все остальные ядерные страны должны прибегнуть к защите того, кто подвергся этому.

Поэтому для меня это абсолютно принципиальная позиция. Вторая принципиальная позиция. Господа, у нас с вами абсолютно разное видение тех реформ, которые

происходили в СССР в конце 80-х годов и всего развития. Это отдельная тема, это не холодная война. Я не готов на нее дискутировать.

Юрий Крупнов: Спасибо! Александр Сергеевич, вы тоже считаете, что Россия – часть европейской цивилизации?

Александр Ципко: Мы говорим о возможности реализации коммунистического проекта, чтобы мы двигали человечество к великой цели, а цифровая экономика ее в конце концов осуществит. Есть такая точка зрения. На мой взгляд, вся история человечества ее опровергает. Хочу только напомнить, здесь не место, Карл Маркс в «Капитале» в 27-й главе вдруг сказал о том, что появляется акционерный капитал. Акционерный капитал окончательно убьет частную собственность. Оказалось, что акционерный капитал продлил жизнь частной собственности еще на 1,5 столетия. Поэтому не будем спорить на эту тему.

Господа, мы хитрим. Мы уходим от главной проблемы: от чего возник нынешний конфликт с Западом, от чего в странах Восточной Европы оживились настроения холодной войны и страх, что ни дай бог, снова придет уже не СССР и будет нам устанавливать новый порядок. Конечно, это связано с присоединением Крыма. Сейчас не спорю, объективные или субъективные причины, но это свершилось. Назад дороги уже нет. И вот человечество сидит в этой новой ситуации. Запад, естественно, не может признать. Мы нарушили два договора с Украиной, Будапештскую конференцию и так далее. Он никогда в жизни не признает это присоединение Крыма. Я думаю, ни один руководитель в России не сможет, он не самоубийца, переиграть это. Это действительно уже историческая реальность. Что вы дурите? Вот проблема. Как ее решить? Почему вы уходите от главной проблемы? Где выход из этой ситуации и есть ли он вообще?

Конечно, то о чем вы говорили, вполне возможно. У нас в институте года три назад выступал Затулин и сказал, что проблема будет решена, Украина распадется. Для этого и был проект Новороссия. Украина не упала, она стала антирусской, она стала страной, где американский генерал принимает военный парад. Вот ситуация, в которой мы находимся.

Я не обладаю ни умом, ни возможностью найти такой компромисс, чтобы с одной стороны, сохранить наше национальное достоинство, с другой стороны, найти компромисс. Вот проблема, которая стоит. А вот эти надежды, что мы станем центром мира, будем многополярный мир, где мы будем центром... посмотрите реально, что мы есть. У меня возникла мысль, я слышал ее недавно на собрании российских консерваторов. В русской истории были разные идеи. Была идея «Записок из подполья».

[00:40:00]

«Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». Разговоры о ядерной катастрофе это наше национальное, мы нация скопцов. У нас был Александр Невский, который пожертвовал самолюбием, все на свете, но спас Россию и поставил во главу идею сохранения нации. Давайте решать: или для нас главное идея сохранения российской нации, сохранение у наших детей будущего или мы будем во имя того, чтобы

Россия была центром мира, идти на мировую бойню и все вместе погибнем. Вот наши реальные альтернативы. Не надо уходить от этого, иначе этот разговор – просто красивая дипломатия.

Юрий Крупнов: Спасибо большое! Александр Сергеевич навел на резкость эту ситуацию. Я помню, в июле 2014 года, как раз в пик конфликта на Украине, один очень высокопоставленный человек мне говорит: «Ничего страшного. К осени санкции отменят, где-то к октябрю, вернут нас на мировой рынок заемного капитала и все придет к своей норме».

Потом был достаточно интенсивный август и так далее. Буквально неделю назад я встречался с одним представителем нашего высокого чиновничества. Совершенно случайно встал вопрос. Он сказал, что еще год-два и санкции все равно отменят, никуда не денутся. Мне кажется, что мы все находимся в расплывчатом, неконцентрированном состоянии, не доходим до сути проблемы. Даже убирая противостояние точек зрения внутри России, это просто немобилизованное управление, соответственно, неверные решения и так далее.

Андрей Фафелов: Произведение Шпенглера *Der Untergang des Abendlandes* в прямом переводе означает «Закат западного мира». «Закат Европы» - это просто красивый русский перевод. В первой половине XX века это было актуально. Второй момент по поводу ядерного противостояния. Говорить, что надо так, хорошо бы так, а вообще, по идее, должно быть так... Я говорю сейчас о реалиях, которые существуют. Помимо вот этой соковизации [00:42:48] внешней политики Запада, ряд безответственных заявлений, помимо общего реального противостояния, связанного с возникновением, возрождением российского континентального субъекта, что очень не нравится так называемым западным партнерам, а эта ситуация реально искрит в череде локальных конфликтов.

В Сирии мы просто тремя боками. Есть еще один момент, который нельзя списывать со счетов. Я об этом вскользь сказал в первой части выступления. В мире существует очень мощный серьезный субъект, который нацелен на разжигание этого термоядерного конфликта, влиятельный субъект. То есть помимо хаотических сил, которые работают против человечества, которые могут вызвать, есть еще целенаправленная воля.

Что касается холодной войны. Холодная война всегда характеризуется тем, что по ее периметру возникает цепь локальных, горячих войн. Она не может происходить только на уровне словесных и дипломатических перепалок. Эти войны в период той холодной войны велись по всему миру, в том числе на американском континенте, в Центральной Америке. Мой отец, Александр Проханов достаточно плотно объездил эти локальные конфликты. Я сам был на некоторых конфликтах нового времени. Я раза 4 был в Сирии с 2011 года. Я видел первые фазы противостояния, когда Россия еще не вписалась в эту ситуацию, когда Дамаск был близок от падения, шла фугасная война, в кварталах шли бои.

[00:45:00]

Я одним из первых попал на Украину в период кризиса 26 мая 2014 года. Я был в Крыму, когда конфликт только зарождался. Слава богу, удалось его избежать. При мне туда приехали вот эти вежливые люди. До этого ситуация была очень неопределенная. Когда мы с моим другом, Александром Бородаем туда летели, мы должны были там организовать добровольческий пункт. Он мне сказал, что когда мы полетим обратно, возможно, будем арестованы сотрудниками ФСБ, которые могут обвинить нас в создании наемнических организаций. То есть не было ничего понятно в этот момент. Исходя из личного опыта, я скажу, что контур локальных войн является определяющим в итоговом противостоянии. Покуда у нас есть системы атомного оружия, покуда Путин демонстрирует их в Манеже всему миру, прямой наезд, прямая атака, вторжение проблематично для наших стратегических противников.

Юрий Крупнов: Крым мы не отдадим. Соответственно, Крым нам не простят. Это первая точка. Тогда это противостояние будет как минимум сохраняться или усиливаться. Плюс вы говорите, что сегодня есть субъект, который готов и способен применить термоядерное оружие.

Андрей Фафелов: Он не способен применить, он работает на эту тему. Локальные войны, которые сейчас разгораются по периметру, эта цепочка будет усиливаться. Сирийский конфликт – это некая шарнирная история. Дело в том, что именно там сломалась западная гегемония. Запад побеждал везде последние 30 лет после падения СССР. Первый раз он получил там по зубам. Он отошел. Сворачивание западной экспансионистской модели является принципиальным фактором.

Юрий Крупнов: То есть пояс локальных конфликтов будет усиливаться и нарастать и это наше будущее.

Виктор Мироненко: Два очень коротких уточнения. Уважаемый Андрей Александрович, давайте будем точными в дискуссии. Я не говорил о том, что война невозможна. Я говорил о том, что я не допускаю этого, как политического метода. Это во-первых. Во-вторых, я сказал не о том, что она невозможна. Я сказал о том, что если вы считаете, что она возможна, то тогда мы с вами находимся в совершенно разных логических цепочках.

Андрей Фафелов: Вы сказали, что она возможна.

Виктор Мироненко: Я сказал, что большая глобальная ядерная война... я подчеркиваю, не маленькие войны, не конфликты, не гибридные, а мировая война, к которой мы привыкли, глобальный конфликт с использованием ядерного оружия не может быть допущен даже как опция.

Андрей Фафелов: Я не понимаю, что значит, не может быть допущен.

Виктор Мироненко: Вы можете меня дослушать?

Андрей Фафелов: В реальности или в вашей голове?

Виктор Мироненко: Дослушать можете до конца? Я вас очень прошу. Я вас внимательно выслушал. Вы просто меня не понимаете. Я хочу объяснить, что я веду речь совершенно не о том, возможна она в реальности или невозможна. Мне бы очень не хотелось, чтобы она была возможна. Я говорю о том, что выстраивается совершенно разная философия международных отношений и мира. Исходя из точки, она возможна, ею можно угрожать или нельзя. Мы, исходя из этой точки, если у вас такая точка зрения, а у меня такая, мы никогда с вами не пересечемся.

Андрей Фафелов: Ядерный потенциал – это и есть потенциальная угроза. Зачем нужен ядерный потенциал Китая, Великобритании, США и России. Это есть угроза.

Юрий Крупнов: Коллеги, мне кажется, здесь у нас тактическое недопонимание. Как я понял, Андрей Александрович не говорил, что мы должны исходить из того, что мы имеем возможность, независимо от ситуации применить ядерное оружие.

Андрей Фафелов: Все страны мира, имеющие ядерное оружие так или иначе грозят другим странам.

Юрий Крупнов: Но наличие ядерного оружия, ружье, висящее на сцене, может закончиться чем угодно.

Виктор Мироненко: Как раз наличие ядерного оружия и стало основным элементом того, что война перестала быть горячей, а стала холодной. В этом существо проблемы.

Андрей Фафелов: Это открытие. Вы почитайте военные доктрины США.

Мужчина: проблема состоит в наличии политической системы, которая позволяет контролировать человека, которая дает команду применить ядерное оружие.

[00:50:00]

Виктор Мироненко: На мой взгляд, наша трагедия состоит в том, что Запад имеет такую систему.

Юрий Крупнов: А мы не имеем?

Виктор Мироненко: Мы по традиции, и в этом наша трагедия, если имеем власть, то она у нас самодержавная и всевластная. Вы уходите от реалий. Парадокс состоит в том, что якобы посткоммунистическая, демократическая Россия создала такой тип централизации власти, которой не было даже в СССР.

Я хорошо знаю, я общался где-то 3 года с командой политбюро Горбачева. Горбачев с ними спорил, боялся. Мы имеем уникальную ситуацию. Путин решил присоединить Крым. Он же мог не решить. Он честно говорил. Я смотрел за результатами выборов. Если за 80, то я решу, а если нет, то я бы не решил. И в этом трагедия России. У нас традиционное русское сверхвластие. Право человека начинать войну соединилось с ядерным оружием. И это трагедия не только наша. На самом деле это трагедия

человеческой цивилизации. Встает философский вопрос. Где проблема Бога? Зачем Бог, если человек может принять решение уничтожить все человечество. Мы поднялись до апокалиптических высот. Мы не осознаем, в какой новой реальности мы живем.

Юрий Крупнов: Александр Сергеевич, благодаря вам я лично стал лучше понимать Терезу Мэй и других замечательных лидеров Запада. То есть я понял так, что угроза от России исходит из-за того, что Россия может все в отличие от ограниченных возможностей других стран, поскольку есть Путин, который может единолично решать все. как известно, уже 4 года, Путин достаточно специфический, непонятный, поэтому он может решить все, что угодно. Поэтому превентивно надо давить Москву, надо максимально менять этот режим, для того чтобы возникла нормальная управляющая контролируемая система и чтобы не было ядерной войны. Я правильно понял вашу точку зрения?

Александр Ципко: Обратите внимание на мюнхенскую речь Путина. Путин там выступает как антикоммунист. Он говорит, что мы сами добровольно разрушили берлинскую стену. Мы освободили страну, мы поставили во главу угла ценности демократии, свободы, человеческой жизни.

Юрий Крупнов: Все сделали, а нас не любят.

Александр Ципко: Проблема состоит действительно в том, что мы действительно зависимы от личности, от его ума, совести, ответственности перед народом. Это правда.

Юрий Крупнов: Спасибо большое! Георгий Владимирович, я все равно вынужден задать вам вопрос. Вы за Путина впишитесь или нет? или вы считаете, как Тереза Мэй?

Георгий Федоров: Вы меня опережаете. Я не являюсь сторонником, поклонником Путина, но в данном случае анализируя те действия Путина с момента его прихода к власти до Крыма и до сегодняшнего момента, Путин никакой не империалист. Это первое. Второе: у него действительно нет никаких имперских амбиций. Он хочет сделать то, что у него в голове есть, внутри России. У него нет желания ударить ядерной боеголовкой по Америке, по Прибалтике. У него нет таких планов.

Учитывая нашу концентрацию власти, финансовые ресурсы, стратегическое мышление, то мы могли бы Украину не упустить, поставить Казахстан или какие-то другие государства в более плотное сотрудничество с нами, Киргизию и так далее. Мы могли бы воссоединить, в том числе определенные географические границы в общую империю, если бы у него действительно были бы имперские амбиции. С моей точки зрения, в мире Путин имеет не такое влияние как Трамп. Трамп более опасный тип. Коллега говорит, что глобальная война невозможна. Она невозможна только по одной причине, потому что СССР показал, что он может ответить.

[00:55:06]

Если бы этого не было, уже была бы ядерная война. Хиросима и Нагасаки это уже ядерная война с использованием ядерного оружия. Локальный ядерный конфликт возможен.

Индия и Пакистан, в Пакистане очень стабильное общество? В случае прихода к власти каких-то радикальных групп, они могут использовать это ядерное оружие? Уже идут разговоры о том, что террористические международные организации могут завладеть этим ядерным оружием, могут использовать его в своих целях. Ядерная война как в «Терминаторе» невозможна. Но локальные ядерные конфликты возможны. Даже бомбежка Европы с ядерными боеголовками, которые там были в Белграде, вы же знаете, что это было, американцы использовали не в чистом виде ядерное...

Юрий Крупнов: Урановые заряды.

Георгий Федоров: Путин просто реагирует. Его загоняют в угол, он реагирует на те условия. Крым был взят не благодаря тому, что Путин там сидел и думал, как бы нам взять Крым, товарищи, давайте спланируем, сделаем операцию, а просто вопреки, потому что загнали в угол. Потому что если бы он потерял Крым, он бы сейчас у власти не был бы. Его бы снесли бы нахрен. Причем его бы снесло не только общество, а просто потому что мы потеряли бы все вот эти слова о нашем величии, они бы разбивались сейчас о базы НАТО в Крыму.

Виктор Мироненко: Скоро они будут в Брянске, Чернигове. Это логика идиота.

Георгий Федоров: Ключевая проблема у нас такая. При нынешней ситуации, когда элита только штаны с себя не снимает, чтобы санкции сняли, она готова на все. Но есть определенные принципиальные моменты, которые обрушат и нынешнюю политическую систему, и Путина лично. Если бы он мог в Сирии ситуацию Асада разменять, я думаю, он бы это сделал из разумных соображений. Но он не может это сделать, потому что если он это сделает, авторитет в мире упадет.

Мои основные претензии к Путину в том, что нынешнее противостояние и холодная война продолжается. Есть определенные планы по сдерживанию РФ, в первую очередь в экономическом и технологическом плане, потому что в военном плане тягаться... после этих мультфильмов, которые Путин показывал, там половина американского ВПК аплодировали ему, говорили: «Слава богу, теперь нам бабки пойдут. Спасибо, Владимир Владимирович тебе за это, за то, что мультфильмы показал!».

Нам нужно отбросить иллюзии. Нельзя верить политической элите США, нельзя верить консолидированному европейскому сообществу. С ними можно поступать только с двух позиций. Первая позиция – позиция собственного достоинства, силы. Мы сильное государство, мы должны об этом говорить и напоминать этим товарищам. Вторая позиция – нам нужно в первую очередь очистить нашу страну от этой компрадорской элиты, которая там уже находится, а не наша элита.

И второе – поднимать свою экономику, потому что если мы не будем поднимать свою экономику, социальную науку, уровень жизни, то мы постепенно отойдем на периферию, и дальше если это будет безопасно, могут на нашей территории любые конфликты,

военные, термоядерные, если это будет безопасно тем, кто будет на нас нападать. Зачем на нас сейчас нападать, когда мы и так разлагаемся.

Юрий Крупнов: Спасибо! При различии фундаментальных позиций мы согласимся в том, что действительно существуют группировки внутри РФ и на Западе, которые заинтересованы в нагнетании истерии из чисто корыстных, коммерческих побуждений, с точки зрения ВПК и так далее. Эта ситуация очевидна. Этот момент тоже очень опасный. Потому что такие придурковатые патриоты, которые у нас встречаются, что надо сейчас вдарить, куда-то танки наслатать... в Вашингтоне и других странах НАТО просто аплодируют, поскольку это позволяет тут же идти в конгресс, просить новые бюджеты, поскольку говорят, что выступал товарищ. Этот момент мне кажется очень важным.

[01:00:00]

Вся проблема в том, что Россия при любой точке зрения все равно должна предлагать проекты миропорядка и мироустройства. Если она этого делать не будет, то все в итоге все равно приходит в плоскость военную, силовую, но абсолютно бесперспективную.

Виктор Мироненко: Я начал с того, чем вы закончили. Наши разногласия проходят не по линии, быть России могучей, сильной, авторитетной, глобальной страной. Нет, не в этом. Мы также как и вы заинтересованы в этом. Я в этом искренне глубоко заинтересован и всей своей жизнью это пытался доказывать. Проблема в другом, господа. Проблема в том, когда Россия станет могучей, сильной не только ядерным оружием, а своей экономикой, сплоченным обществом, передовыми идеями, куда она положит этот свой могучий авторитет, на какую концепцию нового миропорядка, на концепцию двух сверхдержав? Будем соревноваться с США?

Вы разве не видите, что происходит 20 лет? Мы же никого в упор не видим, кроме США в нашей политике. Серьезно разговаривать мы готовы только с США. А со всеми остальными как выйдет. Разве это не свидетельствует о том, что мы не окончили холодную войну? Прежде всего, мы в своем сознании. А может быть, нам авторитет России, наше ядерное оружие, нашу мощь, наш патриотизм положить на другую чашу весов, на чашу весов всего остального мира, куда входит и Европа, которая разлагается.

Кстати, конфликт между Европой и США уже настолько очевиден, даже Украина настолько очевидно является вот этим камнем раздора между Европой и США, что даже смешно об этом говорить. Может быть, наш авторитет положить на те идеи, которые были выдвинуты в начале перестройки. Вы очень критично высказались по перестройке. Я вас понимаю. Все люди у нас считают так. У нас вообще принято, четыре года была одна политика, потом ее отменили, теперь во всем виновата та. Я ее не оправдываю. Там было много ошибок. Я член ЦК, я через все это прошел, своими ушами слышал и видел, но две главные ключевые, стержневые идеи, кто их отменил.

Идея первая: господа, мир меняется. В мире обрисовались общечеловеческие интересы. Человек в Индонезии, Америке, Франции имеет общие интересы. Раньше их было не

видно. Они были скрыты за национальными. Теперь они отчетливы. И когда генеральный секретарь ЦК КПСС в декабре 1985 года – я со стула упал – сказал на встрече с участниками Иссyk-Кульского форума: «Знаете, товарищи, все-таки общечеловеческие интересы важнее классовых». Они важнее национальных, классовых, корпоративных, ВПК, спецслужб, военнослужащих. Эти интересы есть. Я с вами не согласен. Это не заговор. Это нормально. Человек руководствуется интересами. Если человек говорит, что не руководствуется интересами, присмотритесь к нему внимательнее: он либо жулик, либо загляните со спины, наверное, он ангел, у него крылья там.

Мы все руководствуемся интересами. Поверьте мне, нет никакого заговора. Есть люди в ВПК, есть военные, есть спецслужбы, у них свой интерес, своя политика. Одна идея – сверхгосподство человеческих ценностей, надо постепенно уходить от мышления, которое родило его. И вторая, главная, ключевая идея. Было сказано: новое политическое мышление. Уж посмеялись над этим все как могли, 25 лет стоял хохот. Все мудрые эксперты, прагматики улыбались, смеялись. Эти ребята придумали новое политическое мышление. Так придумали не мы. Это придумал Эйнштейн. Разве и мы, и американцы, и Европа, и Китай не уперлись лбом именно в это старое мышление, что мы готовы до ядерной войны защищать свои интересы. Давайте разберемся, чьи это интересы.

Георгий: Дьявол в мелочах. Еще никто и никогда кроме определенных общих документов, которые приняты в Европе, США, некоторых других странах не сказал, что такое общечеловеческие ценности. В Африке одни общечеловеческие ценности, в Бразилии другие. ИГИЛ тоже пытается формировать определенные общечеловеческие ценности. То, что нет заговора... я не конспиролог, но существует мир, человечество. Постоянно, всю жизнь существования человечества существовали конкурентные войны между человечеством. Они конкурировали за территорию, ресурсы.

[01:05:00]

Посмотрите, как видоизменяется карта. За последние 500 лет все переходило как в тетрисе туда-сюда. Для того чтобы понять, что существует определенная конкуренция, в том числе корпоративные межгосударственные сговоры. Посмотрите на экономику, на наши глобальные корпорации в мире, на нашу экономику. Когда коммерческие фирмы для того, чтобы друг у друга украсть устраивают информационные войны, экономический шпионаж, подрывы, биржи сносят, обрушают валюту и все это рукотворно.

Когда мне говорят, что нужно опять вернуться к общечеловеческим ценностям, я вспоминаю болтовню М. С. Горбачева, который ездил по всему миру, а у него раз за разом отнимали один инструмент, которым он может влиять, второй, третий. А он как дурачок ездил и говорил о каких-то общечеловеческих ценностях. Есть ценность жизни, ценности, которые прописаны в меморандуме. Давайте начинать с себя. Почему США по разговору о каких-то ценностях такое в мире творят, что волосы дыбом становятся. Я за общечеловеческие ценности, но чтобы РФ не была в периферии.

Юрий Крупнов: Если мне не изменяет память, в следующем году в декабре будет 30 лет, когда впервые было объявлено об окончании холодной войны. По-моему на Мальте Горбачевым. Было заявлено, что та холодная война окончилась. Это ничего не значит. Виктор Иванович здесь тоже показал, что это вопрос спорный. Мне важно подчеркнуть, что мы прошли вот этот 30-летний цикл и, по сути, обсуждаем сейчас его результаты

Александр Ципко: Человек, который внес в доклад эту фразу об общечеловеческих ценностях стоит перед вами, Ципко Александр Сергеевич. Я с Георгием Лукичом Смирновым.

Юрий Крупнов: Тогда спасайтесь.

Александр Ципко: Я профессионал, философ. Даже Карл Маркс, когда прочитал Нечаева, сказал (прочтите о Нечаеве Карла Маркса): есть обычная мораль, она для всех. Это Карл Маркс, когда Нечаева прочитал. У нас в европейской цивилизации речь идет о христианской морали, заповеди Христа. Федор Бурлацкий... я вам рассказываю историю страны, когда написал «Моральный кодекс», взял и все туда вложил. Там ничего от коммунизма нет.

А Горбачев не хотел и не мог говорить о христианской морали, поэтому была общечеловеческая. В 1922 году на каком-то съезде интернационала там есть такая фраза у Ленина: если смотреть на гражданскую войну с обычной точки зрения обычной морали, то мы сделали все возможное, чтобы сократить их количество. Это обычная мораль. Сохранение человеческой жизни, ценности, которая лежит в основе человека, это и было то, что хотел сказать Горбачев. Можно спорить о Горбачеве, но правда состоит в том, что

Горбачев был утопистом, хотел соединить сталинскую систему с демократией, все разрушить. Горбачев добился очень важного, что мы потеряли. Он снял с повестки дня человечества возможность ядерной катастрофы, убийства. Я ездил с Горбачевым в разные страны и видел толпы этих японских мальчиков и девочек, которые бежали за ним и говорили: «Не будет ядерной войны». В этом его заслуга. Трагедия состоит в том, что Россия спустя всего 25 лет поставила на повестку дня, помните? «Я готов применить ядерное оружие, если кто-то вмешается».

[01:09:57]

Другое дело, что Запад своим пренебрежением к России спровоцировал это, вина на нем. Но факт остается фактом. Поставлена жуткая проблема, которую снял Горбачев. И в этом трагедия.

Юрий Крупнов: Коллеги, видите, именно на наших дебатах вы узнали, в чем причина всего того, что происходило в последние 30 лет. это в цитате, которую Александр Сергеевич вписал в речь Михаила Сергеевича Горбачева. На самом деле наши дебаты про холодную войну, про нынешнее обострение в международных отношениях на самом деле показывают, что главное, в чем сегодня нуждается страна, в рефлексии 30 лет. что произошло за 30 лет и как нам все-таки выходить из споров конца 80-х годов. Вот это, на

мой взгляд, очень важно. Кажется, прошло 30 лет, а у меня часто ощущение, что мы находимся еще где-то в журнале «Огонек».

Андрей Фафелов: Мне кажется, верхом интеллектуального цинизма звучит сейчас упоминание общечеловеческих ценностей, вот этой жуткой демагогии, под которую была уничтожена моя страна, она была демонтирована. Миллионы людей были обездолены, лишены собственности. Гигантские потенциалы, которые строились потом и кровью советских людей были распылены и вывезены на Запад. Сейчас ослабленная Россия, которая столкнулась с тем же самым монстром, пытается выйти на какие-то позиции обороны, и сейчас снова подсовывает те же самые ветхие общечеловеческие ценности.

Мне кажется, основная беда СССР в том, что в истеблишменте были люди, которые в своем идеологическом развитии дошли до идеологии вот этой общемировой демократии. Дело в том, что третьеразрядный интеллектуал Фукуяма, раздутый до какого-то вселенского значения, объявил конец истории. Якобы вот эта самая либеральная демократия является единственным, неповторимым, окончательным вариантом жизни и развития всего человечества.

Товарищ Ципко, который отчасти ответственен за тот крах, уничтожение огромного количества людей и потенциала сейчас демонстрирует себя как адепта этой идеологии. Я бы хотел сказать о другом. Я сейчас отвечаю на реплики, а хотел бы сказать сущностную вещь. Дело в том, что те локальные войны, о которых я говорил, которые сопровождают холодную войну, отчасти являются решающими на данный момент, поэтому обратить внимание на них надо.

Если говорить про стратегии холодной войны, то стратегии в этих локальных конфликтах должны быть выверены, точны и успешны. Это первое. Второй момент. Если говорить про идеологию, мне кажется, сейчас интересно было бы даже не провозгласить некую такую общемировую глобальную идеологию России. Россия сейчас может объявить о континентальной доктрине. Дело в том, что наш континент является центровым, географически это самое главное пространство земли, суши... как бы там не говорил товарищ Ципко, что это какая-то периферия, нет. Мы являемся центром Пангеи, самый главный континент.

Кстати, Европа континентально, географически не существует. Это чисто культурное, идеологическое понятие. Поэтому у нас общий континент и надо здесь навести порядок. Вторжение с другого континента со стороны США, оккупация нашего континента другими силами, приплывшими из-за океана, является нонсенсом. Я бы хотел сказать, что в этом раскладе нынешней холодной войны существует фактор, который почему-то сейчас вообще не упоминался. Это фактор великого континентального Китая. Поскольку с одной стороны существует эта раздробленная, нервная, рефлексирующая Европа, это европейский полуостров. С другой стороны, великий, цельный, монолитный Китай, который сейчас развивается. Фактор Китая является важнейшим фактором холодной войны. Дело в том, что мы имеем не противостояние двух сверхдержав, а это великий треугольник. В этом треугольнике США, Россия и Китай будут решать будущее мира.

Юрий Крупнов: Коллеги, мне кажется, позиции всех сторон и отдельно каждого уважаемого участника наших дебатов достаточно прояснены. Мне кажется, ситуация очень важна. Для меня это колоссальный материал для того, чтобы самому разобраться в том, какая моя позиция, потому что на самом деле мы все при всей нашей жесткости, отдельных утверждениях действительно находимся в очень сложной, рубежной ситуации.

[01:15:10]

Я предлагаю последнюю часть наших дебатов сделать так. у нас будет два экспертных выступления по нашим дебатам. Причем одно выступление Руслан Семенович скажет свою точку зрения, как от к этому ко всему относится. С другой стороны, Геннадий Вениаминович Закиматов, бывший депутат Петроградского райсовета, представитель Новой экономической ассоциации. Свое восприятие, как он понимает этот спор с такой экономическо-промышленной точки зрения. Но в конце я бы попросил, пользуясь любезно мужеством, доблестью и интеллигентностью участвующих в наших дебатах, давайте попробуем буквально на минуту-две каждый, что бы мы посоветовали, раз уж Путин имеет сегодня большую власть, это, вроде, безусловная вещь. Что нужно руководителю великой страны с великой историей, убирая наши противоречия, они всегда были и будут.

Геннадий Закиматов: Прежде всего, спасибо руководителю, который вел не в пример вчерашним дебатам очень организованно и грамотно всю вот эту работу. Что касается темы. Все выступления были очень интересными. Наверное, со мной согласятся все присутствующие. Моя точка зрения по проблеме холодной войны и соответствующих аспектов, которые с этим связаны, заключается в том, что она основана на межгосударственной борьбе, то есть на имманентном, присущем государствам свойстве бороться друг с другом, независимо от общественного строя. Мы имеем примеры, когда социалистические государства воевали друг с другом, хотя бы в виде локальных конфликтов. И уж тем более капиталистический строй, который как показывает мнение множества экспертов, философов изживает себя. Ему присущая именно вот эта борьба меж собой, причем в самых разных формах.

Сейчас проблемы выживания человечества только обостряются. Это связано с перенаселением планеты, исчерпанием ресурсов, экологическими проблемами. Но что касается именно горячей или ядерной войны, я не уверен в том, что опасность возросла. В свое время я работал в военном институте. Насколько я знаю, решение о применении ядерного оружия в США было на самом низком уровне. Там командиры кораблей могли действительно применять это оружие. Я не знаю, как сейчас ситуация с этим вопросом. Сейчас существует риск случайного возникновения ядерной войны. И вот это самый опасный, самый большой риск.

Что касается выхода из глобальной проблемы, которая сейчас имеется. На мой взгляд, это, прежде всего конвергенция капитализма и социализма, то предвидение, которое в свое время сделал Питирим Сорокин, Джон Гэлбрейт и ряд других ученых. К сожалению, это предвидение не состоялось. Причина здесь в том, что не было той модели экономики,

которая для этого необходима. Для этого нужна планово-рыночная экономика, а не чисто рыночная. Только с помощью рычагов директивного госпланирования можно направить развитие в ту сторону, которая необходима для совершенствования того же человека, для того чтобы резко ускорить развитие.

[01:20:15]

И вот те экономические стратегии, которые сейчас предлагаются целым рядом групп, в российских условиях, а это особые условия, отличные от других стран мира, с особым менталитетом российского народа, они заведомо обречены на провал. Нужна смена всей экономической системы. Только это позволит России сделать резкий рывок вперед, стать примером для всего мира, лидером этого мира, и тогда возможно будет реализована эта модель экономики во всем мире, будут гармонизированные отношения, в том числе межгосударственные.

Юрий Крупнов: И Россия станет сильной.

Руслан Гринберг: Когда мы задумывали с Юрием Васильевичем эту дискуссию, мы думали выйти на какой-то операционально-инструментальный вывод. Все согласны с тем, что ситуация очень опасная. Историки будущего, если мы все выживем, что тоже уже не является аксиомой, наверное, разберутся, на сколько процентов виноват Путин, на сколько процентов виноват Запад.

Мне очень нравится замечание Андрея Грачева, последнего пресс-секретаря Горбачева, который сказал, что случилось так, что Россия не выдержала испытания свободой, а Запад не выдержал испытания победой. В этой формуле все, что привело нас к тому, к чему мы пришли. Мы очень близко подошли к пропасти. Сегодня разговор о случайном начале ядерной войны очень актуален. У нас не то, что холодная война после Карибского кризиса, у нас холодная война где-то начала 50-х годов без договоров, правил. Непонятно, как сегодня происходят разговоры, переговоры.

А ведь на самом деле вопрос стоит о том, что как будто бы ничего не изменилось с горбачевского времени. Горбачев – это зигзаг истории, прекраснодушный мечтатель. На самом деле мы приговорены к постоянной игре с нулевой суммой. Если я выиграю, ты проигрываешь. Если ты выигрываешь, я проигрываю. Если так, то тогда получается, что в принципе, это нормальная жизнь.

Предположим, нет ядерного оружия. Немцы колотили французов 1000 лет и наоборот, потом устали. Потом опять начнут. А когда есть ядерное оружие и каждый может его случайно применить, это уже просто большой позор для человечества. Ради чего? В той холодной войне было понятно: мы вас угробим, вы нас угробите. Разные стили, способы жизни.

А сейчас что? Меня попросили прочитать доклад о русской экономике перед руководителями региональных парламентов России. Там был разговор о ценностях. Запад все время, сколько я себя помню, загнивает, умирает. Правда, все стремятся туда попасть,

рискуя жизнью, умирая по пути, чтобы там как-нибудь прижиться. И это, наверное, неистребимо.

[01:25:00]

Один человек начал спрашивать. Я не буду говорить фамилию, это известный человек из администрации, руководитель Татарского региона. Он попросил сказать конкретно три культурных отличия, что они там плохо делают, а мы сохраняем. Он придумал две. Из-за чего мы можем друг друга убить, и вообще, все человечество. Он долго думал и сказал, что однополые браки. Хорошо. Мне, например, наплевать. А вторая какая? Долго думал, чесал репу, а потом говорит: «Эвтаназия». Это мы ни за что. А третья? Не нашел.

Я не знаю, о чем они думают, и Трамп, и Мэй. Такое впечатление, что они недалеко продвинулись в своем понимании жизни от человека, которого я встретил в самолете. У него двое детей, мальчики. Он сел и говорит. Видимо, богатый человек. Хватит в неге жить, пора воевать. Я спросил, а вот эти вот, как они. Он спросил, причем здесь они. Армия есть.

У меня такое ощущение, что это абсолютно легкомысленное отношение к тому, что могут произойти непоправимые вещи. Поэтому мы с Юрием Васильевичем думали, что вот это четверка. Я считаю, что это очень точная характеристика российского общества. Андрей Александрович, образованный человек. Я думаю, что подавляющее большинство нашего народа на их стороне. Это, конечно, что-то похожее на пятую колонну. Вы правильный вопрос задали в конце. Пусть они скажут, что сейчас надо делать Путину, Трампу. Ведь об этом же речь идет. Что конкретно.

Я говорил в Киеве, что вы так шумите на Путина, ждете капитуляции Путина? Не будет капитуляции. А Путин ждет капитуляции Запада? Чего мы ждем? Я понимаю, что Путин обижается. Я бы на его месте тоже обижался, прав Ципко. Они нас стали игнорировать из-за того, что мы стали слабой державой. Кстати, хочу заметить. Сами идиоты. Они здесь вообще ни при чем. Вспомните 12 июня 1990 года. Россия первая вышла из здравого смысла и показала, что ребята, если уж мы выходим из СССР... правда, они думали, что те не выживут, фейлинг стейтс, приползут на брюхе. Это была трагическая ошибка.

Согласен, что Путин прав, что это геополитическая катастрофа России. Но сейчас-то что? Мы должны что-то посоветовать, как общественность. Мне кажется, должно быть какое-то движение. Компромисс возможен или нет? Горбачева можно ругать за то, что его обманули. Это правильно. Правильно говорят, что люди готовы простить преступника, но никогда не простят романтика. Мне это не нравится, но наверное, в этом что-то есть.

Хорошо, сейчас-то что делать? Ясно, что нужно найти компромисс. Правильно или неправильно? Название нашей сессии – избежать или готовиться. Значит, эти ребята говорят, что надо все сделать, чтобы избежать. Правда, они конкретно тоже ничего не сказали. А эти ребята говорят, что это неизбежно, нормально, всю жизнь воевали, и будем воевать. Надо готовиться. Я их спрашиваю, как готовиться к ядерной войне. Что надо

делать, если вы говорите, что это вполне разумно. Какой-то у вас субъект темный есть, мы никак его не видим, и связи не пойдем, но он существует, руководит, управляет.

[01:30:04]

Что с ним делать? Как готовиться к ядерной войне? Я предлагаю, чтобы 4 человека конкретно сказали, что надо делать Западу, что надо делать России.

Юрий Крупнов: Мне кажется, у нас очень хорошая ситуация, потому что мы действительно со всей душой свою позицию высказали. Можно не соглашаться с позицией Виктора Ивановича и Александра Сергеевича, но они все-таки имеют опыт и государственной работы, и помощи в государственной работе. Поэтому я бы предложил сейчас не входя в дискуссию. Попросим сесть на место Руслана Семеновича Владимира Владимировича, условно. Я думаю, что у Владимира Владимировича после этих выборов есть полгода максимум, когда нужно принимать решение. Решение, так или иначе, связано с этой холодной войной. Что посоветуем Владимиру Владимировичу?

Виктор Мироненко: Поверить в Россию, в то, что граждане России способны сами принимать для себя решения, что им делать, за кого им голосовать, воевать им с Западом или нет, есть общечеловеческие ценности или нет. Владимир Владимирович укрепил свою власть. На ближайшие шесть лет он лидер страны. У меня к нему единственное пожелание: поверить в Россию и доверить ей и людям, а самому заняться обеспечением безопасности, тем, чем и должен заниматься человек его биографии и его должности. Вот и все. Никаких других рекомендаций у меня нет.

Александр Ципко: Посоветовал бы ему прочитать свою мюнхенскую речь, где он говорит, что все-таки мы осознаем, что наше право и необходимость защищать национальный традиционный суверенитет России должна быть принесена в соответствие с нашими реальными экономическими и социальными возможностями. Чуда не будет, будет тотальная катастрофа, если мы не откажемся от этого воображаемого, мифологического видения о себе и будем биться головой и кричать, что мы великие. Чувство реализма, здравый смысл. И последнее. Трагедия современной России, если ее посмотреть с точки зрения истории, никогда в своей истории русский человек так не терял здравый смысл, никогда он не выпускал вперед иррациональные смертельные инстинкты как сейчас. Нам надо стать трезвыми, умными и научиться думать.

Андрей Фафелов: Я советовать Путину, конечно, ничего не буду. Я думаю, дядя Вова сам знает, что делать. Если бы я был Путиным, я бы, во-первых, создал и запустил континентальную доктрину, что наш континент должен опираться на мощные региональные державы, а именно Россия, Китай, Германия и Иран. Пусть это не реализуется мгновенно, но эта доктрина должна быть создана, осмыслена и запущена. Второй момент. Я бы усилил в пять раз 201 мотострелковую дивизию в Таджикистане. По моей информации Афганистан является зоной нестабильности. Это будущий всплеск, который возможно, потребует российского вмешательства. И третий момент. Я бы поставил на пустом месте, на Лубянской площади некую доминантную вертикаль в виде

памятника Ивану Васильевичу Грозному, такого золотого, красивого, с камнями, чтобы этот памятник сделал какой-то молодой новый скульптор, исходя из своих представлений о величии русского царства и государства.

Георгий Федоров: Я хотел бы сказать виртуальному Владимиру Владимировичу, что мы не за войну. Эти парни не за то, чтобы завтра идти воевать. Мы не хотим войны, просто нужно быть трезвым к тому, что конкуренция обостряется и такие конфликты возможны, в том числе военные. Лучше быть к этому подготовленным.

Руслан Гринберг: Вы согласны с тем, что мы живем в предвоенное время, как говорят многие ваши коллеги?

[01:35:04]

Георгий Федоров: Я считаю, что мы живем в военное время. РФ уже ведет войны, участвует в локальных конфликтах, уже 200 и 300 сюда привозят. Поэтому война, гибридная или какая-то другая идет. Это факт. Мой совет Владимиру Владимировичу. Мне кажется, что сейчас наша политика переключилась в сложные международные схемы, Владимир Владимирович пытается выстроить определенную международную повестку, военные, политические и иные союзы. Мне кажется, что пришло время, когда Владимиру Владимировичу нужно начать политическую революцию в России сверху. Мы находимся в таком состоянии, что внутренняя экономика, политика, социальная сфера находится в истощенном состоянии. Я считаю, что та политическая элита, которая тактически была уместна в течение 10 – 15 лет для того, чтобы укрепить государственность, исчерпала себя.

Руслан Гринберг: Вам кажется, что он не имеет отношения к политической элите?

Георгий Федоров: Есть два варианта. У него сейчас существует карт-бланш. Либо сверху это начать, либо они могут производить снизу. Необходимо всю эту элиту, во всяком случае, большую часть господствующего правящего класса, который сейчас находится в развращенном состоянии, в антинациональном состоянии, потому что они не верят в Россию, как говорит мой оппонент, который Россию воспринимает как временный плацдарм для заработка, потом они уезжают туда, их надо чистить, заменять.

Руслан Гринберг: Поскольку я Владимир Владимирович, мне сразу хочется сказать, как он любит говорить: фамилии, имена, явки.

Георгий Федоров: Вчера в президиуме я увидел шикарный кабинет министров был бы с моей точки зрения. Вот те, кто сидел на пленарке...

Юрий Крупнов: На форуме, где сопредседателем Руслан Семенович.

Георгий Федоров: Да. Почему нет. Пора заниматься внутренними делами, чтобы делать экономику...

Юрий Крупнов: Спасибо! Все мы уверены, что без внутренней политики и усиления экономической и социальной России нечего обсуждать. Второй момент. Я уверен, что все здесь стоящие и сидящие любим Россию и служим России. Здесь ни у кого нет привилегии, права на большую любовь к России.

Александр Сергеевич Ципко подарил мне книжку перед началом – «Русская апатия: имеет ли Россия будущее». Я уверен, что все мы уверены, что Россия имеет будущее и оно, как и история, великое будущее. Не в плане вот этого амбициозного, дурацкого величия, а именно великое будущее великой страны.

Отвечая за Владимира Владимировича его цитатами, хочу сказать, что он шесть раз за последние три года сказал, что нам нужен рывок. Он говорит, но ничего не рвется, никуда не прорывается. Я очень надеюсь, что наша дискуссия сегодня пусть ментально его подвигнет на то, чтобы в ближайшее время судьбоносные решения были приняты. Спасибо большое!

Руслан Гринберг: Спасибо уважаемому ведущему за такие интеллигентные, хорошие дебаты! Даже приятно в них участвовать, не то, что на телевидении.

Юрий Крупнов: Единственное, я должен перед Голубевым Владимиром Степановичем извиниться. Концепция евразийства на Украине. Просто у нас формат не тот, не получается никак. Простите, пожалуйста, Владимир Степанович.

[01:39:19]